

## КОНСПЕКТ ИЛИ КАРТОТЕКА?

Доктор исторических наук А. КАЖДАН.

Как работают физик, биолог, химик — это, вероятно, представляет себе, пусть в самых смутных очертаниях, каждый человек. Эксперимент — вот магическое слово, которое покрывает значительную долю исследовательского труда естествоиспытателя. Факт, с которым оперирует естествоиспытатель, — это прежде всего экспериментально полученный «опытный» факт, который может быть вновь и вновь воспроизведен, повторен, проверен, рассмотрен под новым углом зрения.

А историк! Как он добывает факты? Ведь он черпает свой «опыт» из исторических источников — архивных документов, хроник, писем, речей, мемуаров, а также из древних вещей, надписей, произведений изобразительного искусства. Но прежде чем этот материал послужит для построения обобщений и рабочих гипотез, прежде чем будет возведено здание исторической концепции, объясняющей расцвет или падение великих держав древности, течение классовой борьбы или подъем культуры на том или ином этапе, исторические факты должны быть извлечены из источника.

Здесь на пути исследователя встает ряд трудностей: надо отобрать факты — отделить существенные от несущественных; проверить их достоверность — отделить сомнительные известия от надежных; установить последовательность событий и их логические связи. Со всеми этими трудностями историки сталкиваются постоянно.

Разумеется, и трудности, встающие перед историком, и методы их преодоления во многом зависят от темы исследования: иначе решаются эти вопросы при постановке конкретной темы, например, при изучении терминологии римского ремесла, иначе — при постановке комплексной темы, предполагающей целостную характеристику данного [того же римского] общества, то есть его хозяйственной, политической, идейной, культурной жизни.

Но наша статья не о том, как ученый приходит к тем или иным открытиям. Задача статьи много скромнее — рассказать о технологической стороне дела, о методе извлечения и фиксации необходимой информации. Свою статью я адресую людям, занимающимся историей, поскольку сам историк. Но, быть может, она заинтересует и людей иных специальностей. [Более полно эта тема рассмотрена автором в статье «О работе историка: путь исследования». «Вопросы истории» № 11, 1968 г.]

В XIX столетии предпочитали обработку источника методом конспектирования, выписывая наиболее существенные пассажи в том порядке, в каком они стоят в самом источнике. В настоящее время, мне кажется, все чаще прибегают к составлению картотек.

Всякая карточка содержит три основных элемента:

выписанный из источника текст (или пересказ его), ссылку и заголовок. Ссылка указывает, откуда взят данный текст (название источника в сокращении, страница и подчас даже строка), а заголовок подчеркивает главную мысль текста, показывает, к какому разделу относится выписка. Ссылка и заголовок — внешние ат-

рибуты карточки, но ее суть, то, ради чего она создается, — это, разумеется, текст.

Конечно, в небольшой статье нельзя дать рецепты на все случаи жизни, да, вероятно, их нельзя было бы дать и в объемистой книге. Разные типы источников, разные исследовательские задачи предполагают составление различных карточек. Одно дело, если исследователь занимается просопографией, то есть изучением политических деятелей прошлого, и совсем по-другому придется составлять карточки при изучении социальной борьбы. В первом случае текст будет содержать краткие сведения — имена, титулы, должности, во втором он имеет тенденцию превратиться в связный рассказ.

Поэтому я буду говорить лишь о технической стороне дела. Прежде всего карточки должны быть стандартны, одного размера (можно пользоваться стандартными библиотечными карточками, можно, если человек пишет бисерным почерком, разрезать их пополам). Разнобой формата, мне кажется, вызывает излишнее раздражение, отвлекает от творческого процесса, рассеивает внимание. Далее, следует помнить, что выписывание не цель, а начало работы, что к карточке еще придется вернуться, поэтому лучше затратить больше времени на ее оформление, нежели иметь неопрятные бумажки, в которых потом сам не сумеешь разобраться. Более существенно, хотя на первый взгляд ничем не оправдано, следующее требование: карточка должна содержать одну мысль. Чем элементарнее выписки, чем ближе они к фиксации «одной мысли», тем картотека гибче, подвижнее, удобнее для работы.

Большие трудности создает полисемантизм, многозначность каждой фразы источника. Одна и та же выписка может быть использована для разных целей. Разумеется, такая проблема не возникает обычно при исследовании типа

«римская ремесленная терминология», — в этом случае, как правило, одна фраза источника может быть отнесена только к одному разделу. Но при комплексной обработке памятника с подобным полисемантизмом приходится постоянно иметь дело. Как поступать в таком случае? Выписывать ли многозначную фразу на несколько карточек с разными заголовками, или составлять отсылочную карточку? Должен сказать, у меня нет ясного решения. Может быть, когда-нибудь широкое внедрение перфорированных карточек поможет решить эту проблему, что, впрочем, тоже не представляется бесспорным.

Совершенно ясно, что роспись на карточке более хлопотное, более трудоемкое дело, чем конспектирование. Нет ли в увлечении картотеками известной дани моде, известной погони за «технизацией» труда? Нет. Картотека имеет такие преимущества перед конспектом, которые, на мой взгляд, перекрывают все трудности по ее изготовлению. Главное преимущество состоит в том, что конспект приковывает к источнику, картотека же создает предпосылки для свободного оперирования материалом. При комплексном исследовании памятника (или группы памятников) это преимущество обнаруживается особенно четко.

В самом деле, конспект есть сокращенный пересказ источника, сохраняющий заложенную в нем последовательность. Хочешь или не хочешь, ты привязан к логике источника, ты воспринимаешь факты в навязанной тебе схеме. Конспект словно подготавливает к пересказу, а не к исследованию памятника. Спора нет, талантливый и самостоятельный ученый, работающий с конспектами, способен порвать эти навязанные ему связи и поставить факты в иные отношения, соответствующие его философским представлениям. Но суть в том, что конспект не помогает ему в этом освобождении. Ос-

вобождение происходит в данном случае только в уме, тогда как картотека, где карточки свободно переставляются, физически вырываются из заданных связей, по самой своей природе как бы служит материализацией умственной деятельности: не только в уме, но в осязаемой реальности письменного стола перемещаются факты, которыми оперирует исследователь. Расстановка и перестановка карточек составляют важнейший фактор продумывания материала.

Картотека превосходит конспект и емкостью. Ограниченность емкости конспекта лежит в самом его существе. Действительно, представим себе конспект, стремящийся к максимальной полноте, — он превратится в итоге в конспектируемый источник и тем самым потеряет свой смысл: зачем же полностью переписывать изучаемый памятник, что это может дать, кроме потери времени и ошибок? Напротив, мы можем представить себе полную роспись источника на карточки. Более того, чем полнее такая роспись, тем она эффективней.

Ограниченность емкости конспекта проявляется и в другом сопоставлении. Конспект остается «работающим», куда количество источников не превосходит известного числа. Рано или поздно должен наступить такой момент, когда у исследователя накопится целая библиотека конспектов и он не сможет в них разобраться без особого указателя — конспекта конспектов. Картотека не знает количественного предела: чем больше источников обработано, тем картотека становится ценней, а операции с карточками не усложняются при условии разумной их расстановки.

Возможны две системы расстановки. В одном случае источник сохраняется как целое и занимает отдельный отведенный ему ящик, внутри же этого ящика карточки располагаются по созданному исследователем порядку. Допустим, обрабатывается исто-

рическое сочинение византийского писателя XI века Михаила Пселла. Из него могут быть вычленены и выделены в особый раздел сведения, относящиеся к его собственной судьбе; затем данные по социально-экономической истории Византии этого времени; материал, касающийся политической борьбы; известия о культурной жизни империи; высказывания Пселла, характеризующие его мировоззрение; созданные им образы его современников; художественные средства — сравнения, метафоры, гиперболы; стереотипы, показательные для византийской социальной психологии; упоминания античных авторов... Разумеется, при обработке источников другого типа, например, законодательных актов, разделы картотеки окажутся иными. В другом случае предметное распределение материала составляет единственное содержание картотеки и карточки располагаются исключительно по логическим связям, независимо от того, откуда они происходят. Обе системы имеют свои преимущества. Вторая дает возможность скорее мобилизовать материал, относящийся к определенной теме. Первая же облегчает обзор данного источника как целого, что может быть весьма важным для постановки источниковедческих задач, то есть для выяснения степени достоверности источника или при рассмотрении его как памятника культуры определенной эпохи. Если же исследователю необходим материал для освещения какой-то определенной темы, он извлекает его из разных ящиков, но, поскольку расстановка во всех случаях определяется общим принципом, такое извлечение не потребует слишком больших затрат времени. По окончании работы карточки должны быть расставлены на свои места.

Помимо гибкости и емкости, у картотеки есть еще одно преимущество перед конспектом — возможность известной унификации формы, стандартизации, что

позволяет сделать картотеку плодом и орудием коллективной работы. Нетрудно видеть, что конспект обладает индивидуальными чертами в гораздо большей степени, чем карточка. Система сокращений, подчеркиваний, условных значков в конспекте отражает авторскую манеру, и использование таких конспектов другим лицом невозможно или, во всяком случае, затруднительно. Напротив, карточка уже в силу ограниченности своего размера легко поддается стандартизации. Стандартизованная картотека живет не только при жизни автора, она может быть использована его учениками и последователями. Такая картотека, несомненно, может составляться коллективом исследователей, каждый из которых работает над отдельным источником. Это позволит в дальнейшем избежать затрат времени на

повторную обработку одних и тех же памятников.

В исследовательской работе историк, разумеется, не может ограничиться чтением только источников. Он должен знать те точки зрения, которые были выдвинуты его предшественниками, те мысли, которые были ими высказаны по поводу анализируемых им источников. Эти мысли находят свое место на карточках, которые очень удобно размещать вслед за соответствующими пассажами источника.

Что и говорить, составление картотеки требует больших усилий. Но они сразу же оправдывают себя, когда исследователь приступает к написанию работы. Если ученый работал с конспектами, процесс писания неминуемо прерывается на разыскание нужных свидетельств источника, разбросанных по множеству тетрадей с выписками из

текстов и из научных работ. Если историк не жалел времени на картотеку, он уже перед началом писания имеет материализованный в виде разложенных по порядку карточек план своего труда. У него уже нет заботы о разыскании, он не роется в тетрадях, проклятая выскочившие или перепутанные закладки,— он переворачивает карточку за карточкой, и его перо бежит непринужденно, словно по зеленой волне, куда физическая усталость не заставит его отложить продолжение работы на завтра.

Конечно, это идиллическая картина. Я не люблю идиллий и потому в конце хочу подбавить немного дегтя «в полную меда» картотеку. Сколь совершенными ни были бы технические методы, они не заменяют способностей. Картотека не больше чем помощник исследователя.



● По подсчетам статистики, 5 миллионов американцев поступают в соответствии с указаниями астрологов и тратят в год 200 миллионов долларов на предсказателей будущего. В США имеются специальные учебные заведения, готовящие «специалистов» по всякого рода оккультным «наукам»: «Колледж универсальной правды» в Чикаго, «Американский колледж аст-

ральных наук» в Нью-Йорке, «Колледж магов» в Сан-Франциско. По данным опросов, 22,6 процента населения США верит в светопредставление.

● Не так давно французская печать сообщила о смерти 25-летней девушки, одной из 4 тысяч пациенток знахаря Рене Эно. У девушки был туберкулез, но она не обращалась к врачам, целиком положившись на знахаря, который лечил ее лишь «силой своей воли». Впоследствии выяснилось, что до своей знахарской карьеры Эно был... водопроводчиком. Во Франции, на родине рационализма, в стране

Вольтера и Гольбаха, орудует сегодня около 60 тысяч шарлатанов, «лечащих» все недуги «тела, ума и сердца». Их общий доход в год составляет 3 миллиарда новых франков, сумма гораздо значительней той, что отпускает государство на научно-исследовательскую работу.

● «По данным министерства просвещения ФРГ, 95 процентов сельского населения южной и 65 процентов северной части страны верят в колдовство»,— писала гамбургская газета «Бильд Цейтунг». В Западной Германии существует и по сей день до 60 тысяч ведьм.

Настойчивые утверждения А. Каждана о трудностях ведения картотеки, по сути, отпугивают того, кто хотел бы ее завести. Осмелюсь возразить уважаемому ученому: трудностей по изготовлению картотеки почти никаких. Те явно незначительные усилия, которые требуются для ведения картотеки, не идут ни в какое сравнение с огромной экономией труда и времени.

Автор мало касается тех-

ники изготовления самой картотеки. В моей картотеке карточки нескольких форматов. Основные, на которых записываю содержание. Здесь я придерживаюсь того, что А. Каждан называет «фиксацией одной мысли». Это требование обязательно (иначе карточки не переместишь, не изымешь). Несколько выше и иного цвета карточки, на которых записываю подтему; еще выше — тему. Ведение картотеки вырабаты-

вает дополнительный стимул к более глубокой работе над темой. Газету читаешь с карандашом. Интересное и нужное вырезал, подклеил на стандартную карточку — и в картотеку. Чистые карточки под руками «на всякий случай», даже когда смотришь телепередачи. (Скажем, для историка — «Летопись полувека», «Семь дней».)

(Из письма А. РЕЗНИКА, Гайворон, УССР.)

## ● ДОПОЛНЕНИЕ К МАТЕРИАЛАМ ПРЕДЫДУЩИХ НОМЕРОВ

### Конспект или картотека?

Статья доктора исторических наук А. КАЖДАН «Конспект или картотека» (см. «Наука и жизнь» № 6, 1970) вызвала живой отклик читателей. Мы попросили автора прокомментировать письма педагогов А. РЕЗНИКА и В. АКСЕЛЬРУДА.

Два отклика — два противоположных отношения к картотеке. И это естественно, ибо картотека как средство накопления информации еще пробивает себе дорогу в практике и исследователей, и учителей, и пропагандистов. Я принадлежу к адептам «картотечного метода». А. Резник, правда, упрекает меня в том, что я считаю картотеку «спецификой исследовательского труда ученого-историка», но это неверно. Думаю, что картотека может быть полезной при накоплении информации всякого рода, но конкретные формы картотеки зависят от того, какой профессией занят составитель картотеки, и от того, какие цели он перед собой ставит — исследовательские или преподавательские.

Для картотеки исследователя-историка, работающего над историческим источником в архиве, библиотеке, метод «ножниц и клея»,

о котором пишет А. Резник, конечно, неприменим. Кто же позволит себе делать вырезки из пергаментных рукописей X века или даже из изданий, имеющих в Советском Союзе в двух-трех экземплярах! Читатели пишут о картотеке учителя и пропагандиста, получающего свою информацию по иным каналам. Естественно, что принципы составления картотеки в таком случае должны быть иными. Такая картотека, как правило, тематически более широка, и вместе с тем она не предполагает исчерпывающей полноты информации. При составлении картотеки такого рода особенно остро встает вопрос, о котором правильно пишет В. Аксельруд: каким образом из «тысячи источников» по данной теме выбрать оптимальный?

Поток информации в последние годы нарастает с такой быстротой, что проблема отбора ее действи-

Я хочу высказать несколько соображений о трудностях, которые неразличимы как при составлении картотеки, так и при конспектировании... Составлять картотеку на многие темы чрезвычайно сложно. В лучшем случае составлю картотеку только личной библиотеки, и это отнимет время, которое необходимо для пользования картотекой, повторного обращения к источникам информации. Поэтому не лучше ли решить задачи (если такие есть в произведении), ответить на вопросы и выписать конкретные советы и «золотые россыпи» научной мысли!

Мне кажется, надо работать не столько над источником, сколько над темой. Я, например, пишу по темам разработки, рефераты. В процессе работы составляю также карточки, но они никак не раскрывают, а лишь иллюстрируют тему.

(Из письма  
В. АКСЕЛЬРУДА.

Одесская область.)

тельно становится очень серьезной. Во многих областях даже исследователь не в состоянии ознакомиться со всей суммой статей и книг, касающихся его темы. Перед учителем, по само-